Быков, Д. Сумасшедший Дон // Вечерняя Москва. – 2005. – 19 мая

К столетию Михаила Шолохова спекуляции на тему "Он - не он" множатся. За ответом на единственный вопрос - кто все-таки автор "Тихого Дона"? - обращаются к кому и чему угодно, кроме текста книги. Между тем только в нем и можно найти ответ, хотя поиски его, на мой взгляд, не самое осмысленное занятие. Гораздо интереснее было бы задаться вопросом "Про что роман?" - и тут обнаружатся подлинные бездны. А заодно станет понятно, почему и пресловутая загадка авторства так сильно волнует умы.

На мой вкус, интеллектуальные построения вокруг "Тихого Дона" -занятие чрезвычайно легкое. Как, впрочем, вокруг любой другой великой книги. Найти текстуальные и интонационные совпадения - не шутка. Да и сюжетные найдутся, при нынешнем-то умении притягивать одно к другому. Скажу больше: лично мне не составит никакого труда доказать, что "Войну и мир" написал не Толстой. И аргументы будут все те же самые, антишолоховские: откуда тридцатисемилетнему помещику, выпустившему до этого лишь несколько повестей и рассказов, пусть удачных, но далеко не дотягивающих до народной эпопеи, в таких деталях знать эпоху начала девятнадцатого века? Это он наверняка порылся в чьих-то черновиках и выкрал роман! Потому что сам был обычный яснополянский дундук с идеями, неудачливый реформатор своего хозяйства... Он потому и заставил жену семь раз переписывать "Войну и мир", чтобы скрыть источник заимствований. Сравните только наброски его романа из истории Петра сразу после "Войны и мира", в конце шестидесятых - начале семидесятых.

Можно ли поверить, что это та же самая рука? И "Анну Каренину" писал не он, а уже другой, современный автор. Возможно, Некрасов автор. Сами посудите: мог ли человек таких реакционных взглядов, как Толстой, автор столь плоской и однозначной публицистики, детских сказок из "Азбуки" и примитивнейших пьес для народа, домашний тиран, нетерпимый к чужому мнению, так тонко владеть "диалектикой души"? Ведь смысл "Анны Карениной" многозначен и ускользающ, а толстовская проповедь добра и непротивления - поразительно однозначна и линейна! И "Анну Каренину", само собой, не сравнишь с "Воскресением". Что касается моих собственных аргументов в защиту шолоховского авторства, то они просты. Только не надо сравнивать "Тихий Дон" с "Войной и миром". Их бессмысленно сравнивать, потому что Шолохов никакой не "красный Толстой". Толстой писал философский роман, развернутую историческую иллюстрацию к своей (а в основном, конечно, шопенгауэровской) концепции истории, воли, личности и пр. "Тихий Дон" - роман какой угодно, но только не философский и не новаторский. Никакой концепции за ним вообще нет - автор начинал его с весьма скромной, чисто бытописательской целью, ориентируясь при этом не на титанов вроде Толстого, а на честных изобразителей и отчасти этнографов, поскольку книга-то, в общем, этнографическая, имеющая целью рассказать о нравах и обычаях казачества.

Почему же в таком случае "Тихий Дон" стал великой литературой? "Тихий Дон" получился случайно, автор его не был профессионалом, он писал себе про то, что видел (или пересказывал то, что прочитал, - в частности, когда речь идет о Первой мировой войне), его привлекал сам процесс описания чужой жизни, а куда это описание выведет - он понятия не имел. Так Дон течет себе - и не знает куда. Вопрос о смысле "Тихого Дона" есть, собственно, вопрос о смысле жизни, о нравственных итогах русского двадцатого века - потому что и книга про жизнь, а не про "борьбу масс", как писала о книге вульгарная литературная критика. В "Тихом Доне" все как в жизни, книга принципиально алогична, как алогична всякая революция и всякая страсть. Этот роман написан очень неумелым и молодым автором - почему и получилось гениально.

Если вдуматься, "Тихий Дон" - очень архаичная книга, и эта архаичность воспринимается как великое новаторство. В последних ее главах эта фольклорность проступает особенно ярко, потому что с момента, когда Мелехов попадает в банду Фомина, из его действий вообще испаряется какой бы то ни было смысл.

Он просто бегает, прячется, странствует - воцаряется хаос, бесцельность; так странствуют герои русского фольклора. Да и все у Шолохова только и делают, что перемещаются: подробно фиксируются передвижения войск, перебежки героев от красных к белым и обратно, и все это гигантское движение происходит на сравнительно небольшой территории, почему все и встречаются постоянно... Роман-странствие - самый древний, самый простой сюжетный архетип. Иван-дурак и Иван-царевич (не одно ли и то же лицо?) ходят за тридевять земель, которые незнамо где расположены; персонажи Рабле, Сервантеса, де Костера вечно странствуют, кого-то встречают, рассказывают свои истории, выслушивают чужие... По этому же принципу выстроен не менее архаичный и не менее знаменитый роман Гашека "Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны", в котором, если вдуматься, перемещений войск не меньше, а то и больше, чем в "Тихом Доне".

Считается, что эти военные, протокольные, справочные вставки - такая-то дивизия поехала туда, такой-то полк пошел сюда - в живую ткань чужого любовного романа вписывал сам Шолохов. Но вот парадокс - без этих вставок роман не был бы великим. Ибо эти хаотические перемещения (смысла которых читатель, не будучи военным историком, не понимает все равно) - лишь часть общего движения в никуда, бега на месте, бессистемного кровавого верчения вокруг своей оси. Чем кончилась революция? Новым закрепощением: ничем. Ради чего перебили столько народу? Ради чего любил Григорий Наталью и Аксинью, потеряв обеих? Ради чего метался между белыми и красными, возненавидев тех и других? Ответа нет: хаос. И этот хаос называется русской жизнью, не имеющей ни одного морального закона или твердого религиозного основания: все - только легкая пелена над бездной. И бездна обнажается при первом социальном катаклизме -даже с какой-то радостью, с пьяным наслаждением.

Я осмелюсь напомнить читателю еще об одном романе, начатом, когда автору было двадцать три года, как Шолохову в момент публикации первого тома "Тихого Дона". Молодой автор закончил свой эпос в тридцать лет (Шолохов - в тридцать пять). Паузы между написаниями новых частей романа все возрастали и возрастали (как и у Шолохова): первые главы "Онегина" написаны стремительно, а вторая половина книги - главы с пятой по восьмую - писались медленно и трудно, так что автор и не чаял закончить сочинение. Главное же - он и не знал, чем ее закончить. Его Онегин с равной легкостью мог прийти к декабристам, поехать воевать на Кавказ, а то и все сразу - прийти к декабристам и оттуда попасть на Кавказ; ясно было одно - умный и сильный герой выломился из своей среды, потерял женщину, убил друга и оказался в роковой пустоте. "Тихий Дон" - про то же самое; и как Пушкин в двадцать третьем году, в Одессе, "даль свободного романа сквозь магический кристалл еще неясно различал", - так и Шолохов в начале работы понятия не имел, куда придет Мелехов. И это, в сущности, по русским обстоятельствам неважно - ибо все одинаковы; из "Тихого Дона" вполне ясно, что красные и белые леплены из одного теста, все они бывшие соседи, и категорически невозможно понять, почему одни пошли убивать других.

Для Онегина в финале, как для бедной Тани, "все были жребии равны"; человеку выжженному, опустошенному - либо просто слишком талантливому - деваться некуда. Отсюда искание смерти, невозможность приложить себя ни к одному из дел, какими увлекается большинство, неспособность опьяняться коллективными гипнозами - самая

что ни на есть байроническая тема, а байронизм ведь -удел молодых. Особенно начитанных молодых (Шолохов в молодости читал много и бессистемно). Мелехов достойно пополнил плеяду лишних людей в русской литературе - и не зря в его фамилии (только "о" заменено на "е") прочитывается шолоховская. Молодой талантливый чужак, равно ненавидящий белых и красных, - вот гипотетический автор эпопеи, и, чем вычислять этого автора среди шолоховских ровесников и соотечественников, я предпочитаю допустить, что это он сам и был. Потому, что эта же коллизия - сильный человек, не нужный собственной Родине, - прослеживается и в гениальном, несомненно аутентичном его рассказе "Судьба человека".

Шолохов, правда, заканчивал роман зрелым писателем, а потому угадал единственное пристанище человека, лишившегося всех убеждений и всех надежд. Таким пристанищем оказывается семья - самая тесная, кровная, родовая связь. И потому Григорий Мелехов в финале "Тихого Дона" держит на руках сына - "это было все, что покамест связывало его с этим огромным, блистающим под холодным солнцем миром" (изощренный стилист никогда себе не позволит такого нагромождения творительных падежей, но Шолохов был не стилист, а прозаик, совсем другое дело).

Наша страна, лишившись всех смыслов и всех надежд, тоже обратилась к самому древнему, кровному и родовому, но и самому темному, звериному: к "Своим". Я уже писал о том, что названия фильмов последних лет -"Брат", "Сестры", "Свои", "Родственники" и даже "Мой сводный брат Франкенштейн" - выстраиваются в странную, смутную летопись степеней родства. Но родство остается тому, у кого нет ничего другого: безрадостный итог страшного века, оставившего Россию с тем же кругом неразрешенных проблем, по которому она ходила весь девятнадцатый и весь двадцатый. Ничто в новом веке не указывает на внезапное обнаружение новой национальной идентификации. А стало быть, Григорию Мелехову останется вечно выбирать между женой и любовницей - как выбирает Россия между свободой и величием, - а в конце концов терять и то, и другое. Возвращаясь к своему покосившемуся хутору и грязному голодному сыну. Кто-то скажет, что ничего более важного в жизни и нет. Может быть. Но не в том дело, а в том, что написать такую книгу способен только очень молодой человек. Виктор Астафьев мне так это объяснял: "Чтобы написать такую страсть, надо, чтобы стоял до звона!.. И конца своим силам не знать, чтобы на эпопею замахнуться". Действительно, эпопея - по дерзновенности замысла и ощущению бескрайности своих сил, - удел людей сравнительно молодых: Солженицын задумал "Красное колесо" в семнадцать лет, и замысел его книги недалеко ушел от первоначального, называвшегося еще "Люби революцию!" (только вектор поменялся). Эпопея - вообще жанр архаический, жанр детства литературы; и потому он так любим молодыми, к старости все больше тяготеющими к рассказу, короткой повести... А еще - молодой человек не знает смысла жизни. Писательство - его инструмент познания мира. Потому он и пишет - чтобы таким образом понять. Шолохов таким образом понял Россию - страну без закона, без морали, без традиции (ибо все это либо не прижилось, либо погибло). Один остался закон - кровная связь, любовь к земле и роду. А это значит - все вернулось к доисторическим и дохристианским временам: временам, в которых личность не значит ничего. С таким пониманием писать дальше не было никакого смысла, потому что в "Тихом Доне" все сказано. Но сказано не прямо, как у Толстого, а всей фабулой, всем текстом.

Потому-то непонятая большинством книга, хоть и обдирая себе бока, но прорвалась к читателю, даже с таким финалом, вызвавшим недовольство идейной критики.

Почему Шолохов для написания своей эпопеи обратился к простейшим приемам и самым дешевым фабулам - таинственная роковая красавица, мужняя жена, плюс странствие,

плюс постоянный друг-враг-спутник (Мишка Кошевой) -понятно: молодым людям неоткуда взять другого опыта, они еще не наработали литературной изощренности. В "Поднятой целине" ее больше, тут все осмысленно, все работает на задачу... и потому книга вышла мертворожденной, несмотря на отдельные блестки. В "Тихом Доне" Шолохов поразительно наивен: на жесткий шампур простой и надежной фабулы нанизывается хаотическое, расползающееся, избыточное мясо жизни-как-она-есть, и читателя не покидает ощущение живой, на глазах происходящей трагедии. Лучший способ быть таким же великим и страшным, как жизнь, - ничего про нее не выдумывать. Писать, как есть, не заботясь о смысле и композиции. Выступать чистым посредником. И тогда литература задышит -что и произошло с гениальной ошибкой молодого писателя, знать не знавшего, что у него получилось.

Нам надо сегодня перечитывать эту книгу, очень простую по исполнению - ничуть не более сложную, чем личность двадцатитрехлетнего юноши. Нам надо сегодня вдумываться в этот роман, бесконечно сложный по смыслу - как жизнь и как собственная наша история. И если вам двадцать три года, и амбиции у вас большие, а о чем писать, вы не знаете, -попробуйте просто написать о том, что видите. Может, у вас получится полная ерунда, но так по крайней мере сохраняется шанс написать великую литературу. Ничто другое такого шанса не дает.

http://www.vmdaily.ru/main/viewarticle.php?id=11219